

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества [1], но еще Платон в V – VI вв. до н. э. обозначил линейную схему его развития: пастухи → крестьяне → горожане. Исторический материализм в качестве основания для периодизации определял уровень развития производительных сил, хотя подобное деление, по мнению Л.Е. Гринина, учитывало в большей степени производственные отношения и формы собственности на средства производства [2]. Зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом в возникновении городов, отличающихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, живущего по иным нормам и признающим права личности и собственности.

Эти объективные для Западной Европы причины нельзя механически переносить на средневековую Западную Сибирь. Здесь отсутствовало жесткое деление на горожан и селян. «Туралы/туралинцы» [3] занимались сельским хозяйством (в т.ч. отгонным скотоводством), торговля была слаба, и купечество как элита, способная к самоорганизации и инновациям, не было развито. Потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами, а проблемы нехватки земельных площадей вообще не существовало. В результате возникавшие системы хозяйствования обеспечивали базовые потребности всех, способствуя, таким образом, формированию социума, который решал свои задачи на определенном этапе развития. Возможно, что, создав оседлое поселение (городок), социум не брал на себя ответственность за его функционирование в будущем: линейная система развития давала сбои.

Можно обоснованно опровергнуть утверждение, что «урбанизация Сибири ... начинается с нуля», которое исходит из положения, что до прихода русских Сибирь не знала таких форм поселений как города [4]. В подтверждение приведем свидетельство Тамими ибн Бахра ал-Муттаваи, который в конце VIII в. или начале IX в. видел «следы древнего города» на Юго-Западном Алтае и передал сведения о «городе царя кимаков» в верховьях Иртыша: «...город большой, укрепленный, а вокруг него хорошо

возделываемая земля и деревни. Город имеет двенадцать железных ворот огромных размеров. В городе много жителей, теснота, много базаров и товаров...» [5] В IX в. городки, «лежащие в развалинах», осматривал во время своего путешествия по краю Саллам ат-Тарджуман. Поселение «Сибирь» упоминается уже в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г. [6], однако без определенной локализации. Можно предположить, что средневековые авторы могли применять это название к различным территориям, что, возможно, было связано с реалиями миграционных процессов населения региона. Однако «Сибирь и Ибирь», несомненно, располагалась в междуречье Иртыша и Тобола [7], и оседлые жители в пространственном, как и в культурном смысле были открыты влияниям и заимствованиям со стороны кочевого населения.

Процессы урбанизации, начавшиеся в середине XIV в. в улусах бывшей Монгольской империи, оказались частично прерванными в результате таких событий, как восстание против монголов в Китае, начало эпидемии чумы и «Великой Замятни» в Золотой Орде. Именно в этих исторических коллизиях стоит искать причины прекращения функционирования Великого шелкового пути, которое привело к угасанию бытовавшей вокруг него оседлой культуры и стало определенным препятствием в распространении мировых религий. Соответственно, ислам не мог быть ни стимулирующим фактором урбанизации, ни гарантией продолжения городской жизни.

Легендирование оседлых поселений – это свидетельство имущественного и социального расслоения, а также признания иного уровня общественного развития, ибо из объекта, несущего сугубо защитные функции, городки превращались в политико-административные, хозяйственно-торговые и культурно-религиозные центры. Эти функции свойственны крупным поселениям в Сибири периода Средних веков, однако сочетание всех признаков не обязательно.

Характер деятельности местного городского населения периода Средневековья не совпадает с формулировкой «стартовых условий» в кочевом мире, предложенной С.А. Плетневой: «только на высшей стадии их экономического и социального развития – на третьей стадии (полуоседлости)» [8]. Местные жители, занимавшиеся собирательством¹, охотой и рыболовством, не имели условий для эффективного земледелия и ремеслен-

¹ Показательно, что у сибирских татар до сих пор существует убеждение относительно собранных на общих угодьях и оставленных дикоросах: «что не твое, кем другим собрано, то сроду его никто не возьмет». Кто в лесу избушку срубил – «тому она и принадлежит, но зайти в нее каждый может».

ного производства, а «оседлость» для них была сезонным состоянием. При этом следует учитывать, что предпосылки урбанизации Западной Сибири отчасти можно усмотреть в типах городков и городищ угорских групп населения, которые вошли в состав сибирских татар. Некоторые укрепленные поселения домонгольского времени (к примеру, поселения бакальской археологической культуры), несомненно, использовались в качестве административных, оборонительных и ремесленных центров [9] и в более позднее время.

Одним из показателей городского типа может служить наличие развитых ремесел. Однако, маловероятно, чтобы люди в местностях, помимо Рудного Алтая, занимались исключительно ремеслом. Рынок был слишком мал, а спрос на необходимую утварь удовлетворялся собственными силами и со стороны приезжих купцов – таким образом, даже на Крайний Север попадали изделия из Центральной Азии [10].

О невысоком уровне развития ремесел свидетельствует также слабое распространение денежного эквивалента товара. Находки серебряных слитков и золотоордынских монет немногочисленны, собственно сибирского чекана единичны, кроме того, их достоверность подвергается сомнению со стороны некоторых исследователей [11]. Простое сопоставление географии находок монет с арабскими надписями сообщит о большем их количестве в Европе, нежели в Сибири, хотя «безмонетное» существование не может являться свидетельством «отсталости» местного социума. Тем более что в тот период в качестве международной «валюты» использовались меха – шкуры ценных пушных зверей (соболя, горностая, лисицы, белки и т. д.), а принятые в регионе в течение двух-трех тысячелетий отношения по принципу «обмен вещей – обмен идей» вполне удовлетворяли местных жителей и являлись основой для более тесных контактов с соседями [12]. Эквивалентом денег могли выступать и шелковые ткани.

В период Средних веков в Бурбаре (ю. Варваринские), Йасавыле (ю. Есауловские / д. Есаулова), Эзгере (Искере) и др. отмечают не только разрозненные, но и организованные группы ремесленников, купцов, миссионеров, их жен, слуг и воинов «из Бухары». Это связано с тем, что среднеазиатцы предпочитали оставаться здесь, в особенности, во время войн, эпидемий и природных катаклизмов, а миграция тюрко- и фарсиязычных переселенцев усилилась после укрепления в Сибири позиций ислама. Эти группы населения имели возможности для этноконфессиональной консолидации и укрепления материального положения в новых регионах.

Постепенно в крае образовалась группа населения, обозначаемая как *сарты* (*сартлар*), *бухарцы* (*бухаретины/бохоролык*) или *сибирские бухарцы*. Так, Н. Тимергалеева утверждала, что основателями ю. Ембаевских были семь семей из рода Молдон, пришедших из Бухары, что зафиксировано в летописи селения [13]. Представляется очевидным, что группу сибирских бухарцев составляли приехавшие из Бухары, Самарканда, Ургенча, Сайрама и других городов таджики и тюрки, которые позднее оформились в самостоятельные этносы узбеков, уйгуров, каракалпаков и казахов, оставив отголоски своего происхождения в лексике сибиряков [14].

Бухарцы и их потомки принадлежали к единой этнической основе с сибирскими татарами, башкирами и казахами, но отличались ментально, культурно и антропологически. Среди бухарцев было немало ремесленников – ткачей, кожевников, медников, ювелиров, и со временем их художественные традиции вплелись в культуру коренных сибиряков [15].

Исламская цивилизация, зародившаяся на Ближнем Востоке, несмотря на аграрный характер ее первоначальной экономической основы, в первую очередь, являлась городской, и для нее был характерен свободный наемный труд. Соответствующую специфику имел тип хозяйственно-экономических и социально-культурных взаимосвязей внутри городов и в отношении сельских жителей. Однако ближневосточные города периода Арабского халифата оставались лишь «идеальной моделью» для сибиряков.

Несмотря на то, что тоболо-иртышские татары раньше других групп сибирских тюрков перешли к оседлой и полуоседлой жизни, здесь именно кочевая ставка правителя долгое время оставалась центром общественной, политической и правовой жизни. По сравнению с городами Центральной Азии или Поволжья здешние жители не имели большой прослойки состоятельных вольных граждан, оторванных от традиционных социальных корней, или профессиональных корпораций купцов, ремесленников и т.д., которые могли иметь вес при обсуждении и принятии важных решений.

Отсутствие гражданской структуры, объединяющей различные группы населения, – это одна из специфических черт региона в период Средневековья, которая заметно повлияла на функционирование и жизнестойкость государств, что, впрочем, нельзя расценивать как тенденцию к регрессу или упадку. Первопричина возникновения государства с этой точки зрения остается все же скрытой за частностями. Ничто не мешает рассматривать в качестве этой первопричины целенаправленное объединение индивидуальных возможностей, осознаваемое как способ реализации общих ожиданий.

Представляется вероятным, что по мере количественного увеличения сообществ, объединенных лидером, обычаи и религиозные догмы постепенно становились средством гаранта его авторитета, который не все кочевники могли реально ощущать. Только впоследствии догмы и обычаи предстали обоснованием необходимости смирения перед собственником власти. Исследователи выделяют целый комплекс причин, обусловивших формирование государственных образований. В их числе принято называть такие социально-экономические факторы, как расширяющийся процесс феодализации и классовое расслоение, а также рост городских поселений и ремесленного производства, появление земледелия [16]. В крае происходило социальное расслоение – появилась частная собственность, прежде всего на скот и только затем на пастбищные земли и продукты ремесленного производства. Промысловые зоны, в т.ч. рыболовные пески, являлись общей территорией.

Объединенные авторитетом лидера люди, скорее всего, не помышляли о возможности присвоения лидером доверенной власти. Как известно, присвоение доверенной власти неизбежно порождает конкуренцию между собственниками власти, что, с одной стороны, приводит к признанию необходимости жесткой иерархии между ними и, с другой стороны, вызывает иллюзию того, что государство является лишь аппаратом для гарантирования собственности на власть и что основная его функция – принуждение. Изначально лидер стал символом, но не собственником власти. Лишь позднее у родовых старейшин появилось больше личного имущества – скота и орудий труда (и соответственно, росла потребность в ремесле и ее специализации). Таким образом, происходило определенное разложение родовой общины, принцип которой лежал в основе структуры улусов.

Дань (в т.ч. продуктами ремесла), выплачиваемая номадам, удовлетворяла лидеров оседлых сообществ, поскольку упорядочивала отношения между ними. Однако это стало предпосылкой увеличения достатка кочевников и привело к повышению ценности символов, выражавших власть лидеров. Эти факторы послужили укоренению идеи присвоения власти, что, соответственно, вызвало необходимость выстраивания иерархии собственников власти.

Сибирские государства строились на полувоенных принципах: общество делилось на улусы во главе с вождями, которые жили в городках со своей стражей, прислугой, ремесленниками и торговцами [17]. Сам хан имел дружину, а в случае угрозы, к ней добавлялись вассалы с воинами из податных. Реконструкция стратиграфии населения представляется возмож-

ной на основе анализа не столько законодательных актов, которые в настоящее время все же остаются неизвестными, сколько принципов сословного деления.

В Сибири не было сословного общества, подобного европейскому², однако существовала иерархия, согласно которой сибирский властелин избирался султанами и мурзами. Беки и мурзы покоренных территорий собирали ясак со своих податных людей и приносили определенную часть хану. Звание тарханов хан давал бекам и мурзам за добровольное подчинение или особые заслуги. Тархан и его собственность признавались неприкосновенными, а его обязанность перед ханом состояла в военной службе вместе со всей дружиной [18]. Скотоводы, рыболовы, охотники, ремесленники и земледельцы назывались «черными» улусными людьми – *кара халык* [19]. Они были обязаны нести военную службу в отряде тархана и ежегодно дарить ему продукты скотоводства, ремесла или промысла³.

Кроме селений, располагавшихся по берегам крупных рек и озер, местные жители начали чаще устраивать городки, пользуясь с помощью уроженцев Центральной Азии, знакомых со строительными технологиями оседлых поселений. Об этом свидетельствуют не только многочисленные археологические находки, но и прозвище «туралинцы», т.е. «городские», которое дали сибирским татарам их соседи – башкиры и остяки.

Г.Ф. Миллер описал окруженные тройным валом развалины Искера, предположив, что все сооружения были выполнены из дерева или, «по бухарскому обыкновению, построены из необожженных кирпичей» и «поэтому от них не осталось никаких следов». Возможно, что строительным материалом был дерн, как в известных каркасно-столбовых типах жилищ из сырцовых кирпичей и дерна у тарских татар XVIII–XIX вв. Замечено,

² Европейское сословное общество характеризовалось следующими признаками: каждое сословие имело специфические права и социальные функции, закрепленные в обычае или законе; представители сословий объединялись в организации и корпорации; сословия имели право на самоуправление и участие в местном и центральном управлении. Отметим, что в Сибири сословные права все же передавались по наследству, а их носители обладали специфическими ментальными особенностями, самосознанием и, очевидно, имели отличия в одежде и украшениях.

³ Этим они отличались от «черных людей» соседних покоренных племен, которые выплачивали ясак главным образом пушниной и поставляли воинов для военных походов. Источники не содержат сведений о разновидностях и объемах ясака в Сибири, однако в ярлыке казанского хана Сахиб-Гирея перечисляется 13 видов податей. Ясачными в XVII в. считались здоровые мужчины от 18 до 55 лет. – см.: *Бояриштова З. Я.* Население Западной Сибири во времена русской колонизации. Томск, 1960. С. 114.

что «в подобной столбовой технике возводили почти все постройки, варьировался лишь материал стен и кровли» [20].

Раскопки свидетельствуют о том, что Искер был городом с развитой торговлей и ремеслами⁴. Среди поставляемых сюда товаров можно отметить тафту, применявшуюся для изготовления чалм и тюрбанов – элементов одежды мусульман. В женских украшениях – серьгах (сырга), браслетах (белязек), застежках (каптырма), наконсниках (чулпы, тэнкэ), кольцах (балдак) и амулетах для вложенных выписок из Корана часто встречается узор в форме полумесяца. Все эти предметы могут быть отнесены как к импорту, так и к экспорту [21].

Литература

1. Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М., 2000; Барг М. А. Эпоха и идеи: становление историзма. М., 1987; Вико Д. Основание новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
2. Гринин Л.Е. Периодизация исторического процесса: автореф. дис... канд. филос. наук. М., 1996. С. 7.
3. Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке // Ежегодник Тобол. губ. музея. Вып. 5. 1895–1896. С. 9–10; Томилов Н.А. Татары сибирские // Народы России. М., 1994. С. 328.
4. Жерносенко И.А. Тюркское средневековье // Лекции по истории культуры Алтая. Барнаул, 2004. С. 29; Резун Д. Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI–XVIII вв. // Изв. СО АН СССР. Серия: история, филология, философия. Вып. 3. Новосибирск, 1983. С. 44.
5. Цит. по: Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: ист. и археолог. исследования. М., 2006. С. 30.
6. Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. Т. XIII. М.; Л., 1950. С. 342, 344–348, 349.
7. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008. С. 30–32.
8. Плетнева С.А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 204–205.

⁴ Во время раскопок было обнаружено более 50 видов изделий ремесленников. Множество орудий земледелия – серпы, сошники, мотыги и остатки жерновов свидетельствуют о развитии земледелия. Найдено много изделий, связанных с коневодством, – подковы, удила, части сбруи и экипажа. Множество шил, ножей, ножниц, долот, топоров, литейных форм, тиглей для плавки, украшений, материалом для которых подчас являлись сплавы металлов, были сделаны ремесленниками для продажи. Фрагменты фарфоровой посуды, изделия из сердолика и бирюзы, остатки шелковых и бумажных тканей говорят о развитии торговли с Китаем, государствами Центральной Азии и др.

9. Белич И.В. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г. Тюмень // Тюрколог. сб. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 20–28; Маслюженко Д. Н., Кайдалов А. И. Средневековые городища Тоболо-Исетского междуречья и их роль в освоении края // История сел и деревень Зауралья: сб. науч. тр. Курган, 2002. С. 25–37.
10. История Ямала. Т. 1. Кн. 1. Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, 2010. С. 183.
11. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археолог. очерк. Тобольск, 2008. С. 16; Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.]. Т. 1: источники и историография / А.П. Ярков (ред.), И.Б. Гарифуллин, Г.Л. Файзрахманов и др. Тюмень, 2007. С. 264–266.
12. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск, 2005. С. 30.
13. Осколков М. Бухарцы в Тюмени // Лукич. 2001. № 4. С. 190.
14. Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963. С. 89; Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977. С. 266.
15. Творчество народов Тюменской области: из собрания Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словова. М., 1999. С. 105.
16. Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIV – XVI вв. // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 475–504; Соболев В.И. История сибирских ханств (по археолог. материалам): дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1994. С. 375–378; Файзрахманов Г.Л. Сибирские татары в составе Российского государства: дис... д-ра ист. наук. Казань, 2005. С. 98.
17. Бояршинова З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири в феодальную эпоху. Томск, 1967. С. 36.
18. Атласов Х.М. История Сибири / пер. с татар. А.И. Бадюгиной. Казань, 2005. С. 41.
19. Огородников В.И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия. Ч. 2. Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924. С. 14.
20. Красота П.А. К вопросу о сохранности традиционных черт в усадебном комплексе тарских татар // Археология и этнография Азиатской части России (новые материалы, гипотезы, проблемы и методы): материалы XLIX регион. археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Кемерово, 2009. С. 165.
21. Смирнова Е.Ю. Отражение исламской культурной модели в одежде татар Западной Сибири 18–20 вв. // Народное искусство Сибири: прошлое, настоящее, будущее: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2004. С. 52–54.